

АБХАЗИЯ И «НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА»

Сергей Маркедонов

«Стремится ли Грузия к миру в Абхазии или хочет военного реванша?» Этот вопрос автор настоящей статьи неоднократно задавал как высокопоставленным грузинским политикам, так и представителям политической науки и экспертного сообщества Грузии. Ответы на него были разнообразными. Анализ политических оценок акцентов и эмоциональных деталей этих ответов - предмет отдельной социологической работы. Однако все (здесь нет субъективного преувеличения) отвечающие на данный вопрос были едины во мнении. Беженцы из непризнанной Республики Абхазия, представляющие грузинский этнос (собственно грузины, а также сваны и мегрелы, имеющие собственную самоидентификацию), должны вернуться в места своего прежнего проживания. Именно в этом случае официальный Тбилиси готов вести разговоры о самоопределении Абхазии.

Вскоре после встречи Владимира Путина и Михаила Саакашвили в Санкт-Петербурге некоторые грузинские парламентарии весьма позитивно оценили мысль российского президента о возможном плебисците в Абхазии. Однако такой плебисцит, на их взгляд, будет возможным при выполнении одного единственного условия - возвращения беженцев грузинского происхождения в Абхазию. При этом речь идет не только о Гальском районе, где до трагического конфликта 1992-1993 гг. грузины составляли более 90% населения, и куда после грузино-абхазской войны вернулось порядка 60 тыс. человек. Речь идет о возвращении грузин в Гагру, Гантиади, Леселидзе, то есть на всю территорию сегодняшней Республики Абхазия.

В этом случае грузины снова, как и до 1992 г., станут этническим большинством. До 1992 г. (согласно Всесоюзной переписи 1989 г.) на территории Абхазии проживало 525 тыс.чел (9,7% населения всей Грузии), 239872 грузин (45,7% населения), 93267 абхазов (17,8%), 76541 армян (14,6%), 74913 русских (14,3%), 14700 греков (2,8%). Однако необходима оговорка. Под грузинами мы понимаем принятое в государственной статистике общее обозначение картвельских этнических групп, т.е. собственно грузин, мегрелов и сванов. В советской переписи 1926 г. эти три этнические группы учитывались отдельно (было зафиксировано 41 тыс. мегрелов, 19,9 тыс. грузин и 6,6 тыс. сванов). В последующих переписях было введено общее обозначение этнической принадлежности для картвельских этнических групп. Военное поражение Грузии в вооруженном противоборстве с абхазскими сепаратистами в 1993 г. стало не только геополитической утратой (потерей 12,5% грузинской территории и 200 км. черноморского побережья), но и фактически массовым исходом грузинского населения из Абхазии. В отличие от Южной Осетии военная фаза межэтнического конфликта закончилась в Абхазии изгнанием представителей проигравшего этноса. По различным данным, Абхазию покинуло порядка 200 тыс. грузин. Около 60 тыс. вернулось в Гальский район, а 50 тыс. человек обосновалось в России (около 10 тыс. из них нашли пристанище в Москве). В этой связи проблема беженцев - одна из ключевых проблем внутренней политики Грузии. Плохо интегрированные в грузинский социум (речь идет о внутренних областях Грузии и Тбилиси), беженцы на протяжении 1990-начала 2000-х гг. были «взрывным политическим материалом». Они организовывали многочисленные антишеварнадзиевские митинги, сыграли значительную роль в «революции роз» и победе Михаила Саакашвили. От их имени говорят все грузинские лидеры, призывая свой народ к «собираанию земель» и борьбе с «агрессивным абхазским сепаратизмом».

Однако на днях часть грузинских беженцев из Абхазии выступила с неожиданной инициативой. Изгнанные из гостиниц Батуми (столица фактически упраздненной Аджарской автономии) люди заявили о своем намерении вернуться в Абхазию и попросить политического убежища у властей непризнанной республики, считающихся врагами официального Тбилиси и грузинского народа. Это неожиданное (если не сказать сенсационное) решение грузинские беженцы (не испытывавшие до сих пор особых симпатий к власти в Сухуми) приняли после того, как их насильственным образом выселили из гостиниц, проданных казахским инвесторам. В последние годы бизнесмены из Казахстана чрезвычайно активно работают на грузинском рынке (в отличие от россиян, сдерживаемых Кремлем по политическим мотивам). Это выселение, затеянное ради экономической выгоды в ущерб традиционным «патриотическим» чувствам, было сделано при помощи правоохранительных органов Батуми. Но и этим дело не закончилось. Спикер грузинского парламента Нино Бурджанадзе, традиционно выступающая от имени беженцев (в том числе и невольных батумских жертв экономических интересов казахских инвесторов), заявила журналистам, что разделяет все чувства этих людей, но «не оправдывает их нынешних намерений». По ее словам, из-за социальных проблем покидать свою Родину нельзя. Необходимо разрешать их в пределах Грузии. И все это вместо того, чтобы создать парламентское расследование по причинам и механизмам сделок по гостиницам, а также правомерности действий батумских милиционеров. Беженцам взамен за выселение предлагают по 7 тысяч долларов, но они заявляют, что эти суммы мизерные, чтобы на них купить жилье. К слову сказать, по данным источников автора, даже в непризнанной Абхазии стоимость квартиры в Сухуми доходит до 100 тыс. долларов США, хотя еще 5-6 лет назад эта сумма составляла порядка 3-5 тыс. американских дензнаков. Вероятно, в Батуми ситуация не очень отличается от абхазского рынка жилья.

Между тем в непризнанной Абхазии новых «сограждан» не очень то и ждут, говоря о том, что принимать представителей грузинского этноса никто не собирается, а граница с Грузией находится «на замке». Таким образом, беженцы, от имени которых в верности «единой стране» клянутся все, начиная с Михаила Саакашвили, оказались между молотом и наковальней. Единственным политиком в Тбилиси, кто вступился за беженцев, стал Георгий Хаиндрава, министр по урегулированию конфликтов. По его мнению, вместо того, чтобы изгонять беженцев, нужно было провести с ними диалог, убедить в необходимости освобождения зданий гостиниц, помочь в поисках нового жилья.

Однако и сам факт бесцеремонного выселения беженцев, и выдача им мизерных сумм на «обустройство», и прохладное отношение к их проблемам со стороны официальной власти показывают, что для Тбилиси эта категория населения является, прежде всего, политическим средством, ради которого затевается вся политика «собираения земель». Иначе не стали бы вчерашние жертвы абхазских сепаратистов обращаться к ним за помощью по приобретению гражданства.

Вместе с тем сама идея обрести Родину в Абхазии под эгидой сухумских властей не кажется столь уж сенсационной, если проанализировать «новую восточную политику» президента Сергея Багапша по отношению к восточной Абхазии и, прежде всего, к Гальскому (Галскому) району. Речь идет о социально-экономическом и гражданском инкорпорировании территории с доминированием неабхазского (мегрельского, для Тбилиси - грузинского) населения. «Новая восточная политика» Абхазии еще не стала системой и комплексом мер. Скорее это напоминает

инстинктивное прозрение "практикующих" администраторов. Поэтому сегодня эти шаги либо не замечаются в Москве и Тбилиси, либо игнорируются российскими и грузинскими политиками.

Однако в перспективе серьезные прорывы в политической модернизации Абхазии (а "новая восточная политика" – важнейшая ее составляющая) могут сделать актуальной и международное признание этой республики. В случае успешного инкорпорирования Гальского района Абхазия перестает быть "этнической собственностью" абхазской маргинальной этноэлиты. Непризнанная республика получает вместо "пятой колонны Тбилиси" новых лояльных граждан из числа мегрелов. Абхазия на институциональном уровне становится полиэтничным сообществом, уважающим права меньшинств и миноритарных языков. С такой позиции вести диалог о признании гораздо легче и эффективнее.

Гальский район всегда стоял особняком в Абхазии. В позднесоветское время численность грузинского (мегрельского) населения там составляла более 90%. В послевоенный период именно территория Гальского района стала местом возвращения беженцев. Сегодняшний Гальский район - это 37% от территории одноименного административно-территориального образования советского времени, разделенного между Гальским, Ткварчельским и Очамчирским районами. Первая волна возвращения гальских мегрелов произошла уже в 1994-1995 гг. Вторая - после трагических событий мая 1998 года (новой эскалации грузино-абхазского противостояния). По утверждению Владислава Ардзинбы, в конце 1990-х годов в Гальском районе насчитывалось 60 тысяч грузин. Эдуард Шеварднадзе называл цифру 55 тысяч человек. В 2001 году было сформировано Гальское районное собрание.

Однако и после 1998 года Гальский район остался наиболее проблемной территорией для Абхазии. Помимо деятельности грузинских партизанских отрядов вызовом для абхазского руководства стал обычный бандитизм (и грузинский, и абхазский), пик которого традиционно приходится на "ореховый сезон".

Перед абхазским руководством изначально вставала дилемма - либо инкорпорирование Гальского района с мегрелоязычным населением, либо этническая чистка, либо застойный сценарий. Сценарий силового изгнания местного мегрельского населения оказался неэффективным. Будучи носителями традиционного крестьянского сознания, гальские мегрелы не являются фанатиками "грузинизации" и достаточно терпимы к любому суверенитету, гарантирующему минимум безопасности и возможности для крестьянского труда. Поэтому вскоре после "силовых решений" гальские мегрелы возвращались к привычной среде без оглядки на процесс урегулирования между Сухуми и Тбилиси. Тем паче что в Тбилиси, несмотря на всю патриотическую риторику, на мегрелов традиционно смотрели свысока. Попытки выходцев из Гали адаптироваться в столице Грузии, найти свои ниши в столичном "разделении труда" по большей части окончились неудачей.

Длительное время в отношении Гальского района власти Абхазии проводили политику "остаточного принципа". По образному выражению одного из депутатов абхазского парламента, "бюджет Гальского района сегодня меньше, чем бюджет одного сухумского ларька". Подобная политика привела лишь к экономической (как следствие и социальной) сепарации района, формированию его устойчивой ориентации на западные регионы Грузии (Зугдидский район). Таким образом, сам Сухуми создал предпосылки для гальского местничества. Это в свою очередь давало возможность Грузии постоянно педалировать проблему дискриминации по отношению к

грузинскому населению Гальского района. Не вполне удачными оказались меры республиканской власти по борьбе с криминалитетом. Экономические интересы жителей района во многом способствовали формированию особой гальской идентичности как негрузинской и неабхазской. В любом случае без решения "гальской проблемы" суверенитет Абхазии над всей своей территорией был неполон. А значит, недостаточна и состоятельность непризнанного государства.

Поворотным пунктом в формировании основ "новой восточной политики» Сухуми стали выборы 2004 года. Жители Гальского района в массе своей проявили значительный интерес к голосованию и избранию президента Абхазии, объясняя свой выбор ностальгией по элементарному порядку. Таким образом была продемонстрирована в массовом порядке лояльность непризнанной республике. Контроль за ходом голосования и подведением итогов выборов в Гальском районе стал определенным "моментом истины" и для абхазских структур гражданского общества. Их активисты, выступавшие против "застойного сценария" по отношению к самому проблемному району Абхазии, получили многочисленные факты в пользу правильности своей позиции.

И сегодня проблема включенности Гальского района в общеполитические и социально-экономические процессы в Абхазии является одной из ключевых. Фактически на республиканском уровне ставится задача установления полного суверенитета над Гальским районом. Под этим понимается и обеспечение безопасности (особенно в так называемой Нижней зоне), и обеспечение нормального сбора налогов властью, а не криминалитетом, и налаживание регулярного преподавания предметов на абхазском, русском и мегрельском языках, и вовлечение в аппаратную работу гальских мегрелов и как результат формирование мегрелов - граждан Абхазии. Однако «новая восточная политика» в Абхазии не приватизирована властью. Неправительственные организации из Сухуми сегодня взялись за реализацию целого ряда социально-гуманитарных проектов (прежде всего в образовательной сфере) в Гальском районе. Фактически их постоянный мониторинг за ситуацией в районе на сегодняшний день является наиболее репрезентативной "картинкой событий".

«Новая восточная» политика непризнанной Абхазии – это только первые шаги по преодолению "оукленности" проблемной территории. Однако успешное решение проблем Гальского района принесет уже в ближайшем будущем ощутимые дивиденды. Абхазские власти смогут объявить вопрос о возвращении беженцев решенным. По международным стандартам, возвращение можно считать состоявшимся, если обеспечены гарантии безопасности и возможности для саморазвития. Успешное инкорпорирование Гальского района работает именно на эту цель. Формирование лояльного мегрельского населения ("наших грузин") чрезвычайно выгодно для Абхазии, поскольку позволяет переформатировать конфликт с Тбилиси из этнополитического в статусный. В этом случае конфликт представляется не как борьба абхазских этнонационалистов с грузинами, а как противоборство населения Абхазии с грузинским государством и его амбициями. Позиционирование Абхазии как полиэтничного государства, а не "республики для абхазов" также будет способствовать международному признанию республики. Абхазия с "расой господ" из представителей титульного этноса обречена на сохранение своего маргинального положения. Следовательно «новой восточной политике» Сухуми реальной альтернативы нет.

Сергей Маркедонов, зав. отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук

05.07.2006